

1868. The dimensions of the painting are rather big 187 / 116 cm. It gives the opportunity to create a life-sized portrait. Wet white basis makes the colours extremely bright [4], [5].

W. H. Hunt remains true to the esthetic principles of PRB. He makes the emphasis on sensuality, rich colours and elaborate decorative objects. Though the Brotherhood existed for less than ten years it effected the development of the Victorian epoch for more than a century. Bright plots and symbolic images gave them a possibility to reveal the power of the man's spirits.

John Keats narrated his romantic poem in such a way that William Holman Hunt couldn't help depicting poor Isabella's sad love-story with his brush. Due to them we learn that the wonderful genuine feeling is worth to be true not only to the graving day but also after death.

References

1. Алексеева-Маркезин А. Уильям Хант. Изабелла и горшок с базиликом [Электронный ресурс]. URL: <https://proza.ru/2016/12/05/1283?yslid=15xq4jzsuc-102922637> (дата обращения: 05.08.2022).
2. Дьяконова Н. Я. Аналитическое чтение (английская поэзия XVIII-XX веков). Л.: Просвещение, 1967. 267 с.
3. Павленко Л. Г. Экфрасисы прерафаэлитов // Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова. № 1. 2022. С. 235-241 [Электронный ресурс]. URL: <http://tgpi.ru/science/herald-tgpi> (дата обращения: 02.08.2022).
4. Швинглхурст Э. Прерафаэлиты. М.: Спика, 1995. 79 с.
5. Hunt W. H. Isabella or the Pot of Basil [Электронный ресурс]. URL: <https://smarthistory.org/william-holman-hunt-isabella-pot-basil/> (дата обращения: 01.07.2022).
6. Keats J. Isabella, or the Pot of Basil (Электронный ресурс). URL: <https://keats-poems.com/Isabella-or-the-pot-of-basil> (дата обращения: 20.06.2022).

УДК 821.161.1

*Д. Н. Черниговский (Киров, Россия)
Вятский государственный университет*

Сатира на порок в поэзии И. М. Долгорукова (обличение эгоизма)

Статья посвящена критике одного из наиболее распространенных общечеловеческих пороков – эгоизма – в творчестве известного поэта-моралиста рубежа XVIII–XIX веков князя Ивана Михайловича Долгорукова (1764–1823). В сатирической поэзии Долгорукова соединялись высокий дидактический пафос с автобиографическим содержанием, что сообщало его стихам интимную, домашнюю интонацию.

Ключевые слова: И. М. Долгоруков, сатира на общечеловеческие пороки, обличение эгоизма

Из всех общечеловеческих пороков наибольшее неприятие у И. М. Долгорукова вызывал эгоизм. По-видимому, это не случайно, поскольку сам сатирик был чрезвычайно отзывчив и умел ценить это качество в других. Мемуарная книга «Капище моего сердца, или Словарь всех тех лиц, с коими я был в разных отношениях в течение моей жизни» содержит более четырехсот имен людей, оставивших в душе поэта благодарную или недобрую память. Наряду с записями о знакомстве с царем, вельможами и министрами, князь помещает трогательные воспоминания о «мамушках», домашних учителях, любимых слугах, то есть о людях самых незначительных с сословно-иерархической точки зрения.

Душевную щедрость Долгорукова иллюстрирует, например, и такой факт: среди неопубликованных произведений поэта находится очень характерное для него послание – «Стихи кормилице ребенка моего пасынка при ее с нами прощании. Москва. 1822» [1].

Тема обличения эгоизма раскрывается в следующих произведениях сатирика: «В последнем вкусе человек», «Приказ швейцару», «Торжество совести», «Исповедь греховодника», «Камин в Москве».

Само название стихотворной сатиры «В последнем вкусе человек» (1798) говорит об излюбленной Долгоруковым форме сопоставления доброй патриархальной старины и исполненной самых разных недостатков современности. Действительно, отдав предпочтение дедовской жизни, устроенной «по чувствам сердца, не по моде» [3, с. 408], сатирик печально констатирует:

Прошли те годы, как любили
Таким манером в свете жить;
То дни златого века были,
Каких нам снова не нажить...
Другой все люди стали веры.
Себе всяк ныне строит храм [3, с. 409].

В качестве иллюстрации к этому тезису Долгоруков изображает жизнь светского круга, где царство эгоизма полностью исказило естественные человеческие отношения. Нормой стали супружеская неверность, неуважение к родителям, псевдолюбовь и псевдодружба. С иронией, как бы предвосхищающей пушкинскую по поводу родственных чувств Онегина к дяде, Долгоруков описывает типичную ситуацию:

Приятель друга обнимает, Его нимало не любя;
Тот той же лаской отвечает,
И шепчет: «Черт бы взял тебя!» [3, с. 409]

Нельзя не отдать должное проницательности поэта, очень точно определившего, что в обществе, пораженном себялюбием, побудительной силой любого поступка является материальный интерес. Искреннее негодование содержат следующие строки стихотворения:

...Корысть нам бог и господин,
Где есть хоть малые выгоды,
Умеем тотчас их смекнуть;
Для них чрез пропасти и воды
Безделка нам перешагнуть [3, с. 409].

Сатирик старается подчеркнуть большую социальную опасность эгоизма, полагая, что этот порок порождает целый ряд других общественных болезней – «ложь, обман и лицемерство» [3, с. 410], в результате чего «...честь слывет за суеверство» [3, с. 410], а «...кто не льстит, тот и дурак» [3, с. 410].

Альтернативу блестящей, но пустой жизни «холодного себялюбца» [3, с. 410] Долгоруков видит в сознательном смирении страстей и счастье в семейном кругу. Характерно, что проповедь умеренности в духе горацянства, присущая многим произведениям поэта, не голословная риторика. Вступив в полемику с абстрактным эгоистом, Долгоруков на протяжении XIII, XIV, XV строф, воспевающих культ нехитрых земных радостей, постоянно употребляет местоимения «я», «мне», «мой» [3, с. 410], что свидетельствует как о высокой степени автобиографизма сатиры, так и о законном праве поэта на позицию строгого моралиста.

Представляется, что «В последнем вкусе человек» – это глубоко концептуальное произведение, поскольку постановка проблемы отличается здесь логической завершенностью и монографичностью, в отличие от стихотворений, где себялюбие карается наряду иными пороками. Кроме того, сам характер обличения, сочетающего горацянскую иронию с почти ювеналовским негодованием, как бы объединил в себе две сатирические струи – «веселую» и «важную», в русле каждой из которых по отдельности эгоизм разоблачается в других стихотворениях Долгорукова.

Так, традиции беспощадного ювеналовского обличения отчетливо проявились в стихотворных сатирах «Приказ швейцару» и «Торжество совести».

«Приказ швейцару» (1793) – это чрезвычайно многоплановое по количеству поднятых проблем сатирическое произведение. В частности, обличению эгоизма здесь посвящен лишь один, сравнительно небольшой пассаж (14 ст.). Однако, прежде чем анализировать этот отрывок, необходимо восстановить смысловой контекст, поясняющий причину авторского негодования. Долгоруков рассказывает историю, в которой некий помещик подкупил судейских чиновников, чтобы выиграть тяжбу. Между тем автору прекрасно известно, что этот «...господин ... за тридевять земель ... потчевает едко // Тех самых, перед кем, за то, чем их язвит, // С поклонов и теперь еще спина болит» [3, с. 391]. Уличив, таким образом, своего героя не только в моральной нечистоплотности при ведении дел, но и в лицемерии, сатирик, как бы не в силах сдержать гнев, раздражается следующей инвективой:

На что же мне с такой почетной чернью знаться,
И ядом льстивых слов на что мне упиваться?
Чем выше на степень входящих я видал,
Тем больше к ним мое почтение терял.
Злодейство назовут, они предрассуждением,
На скорбь и тесноту глядят с пренебрежением.
Как редко сердце в них займет благой предмет
Иль сроднику помочь, иль другу дать совет!
Он сам все для себя. Разруша связь природы,
Запутался в цепях мечтательной свободы;
Все средства хороши, невинны для него,
Лишь только б удалось желает он чего,
От гнусных дел стыда в лице его нет краски
С женою и детьми, с глухими даже в маске [3, с. 391].

В этой самой ранней своей сатире поэт уже склонен видеть в себялюбии источник множества моральных зол, что предопределило особый подход к обличению, использованный и впоследствии: критике подвергается целый комплекс пороков, связанных этически. Таким образом, эгоизм, по Долгорукову, это не только предательство «сродника» или друга, но и принцип нравственного релятивизма, заставляющий полагать все моральные устои «предрассуждением» и толкающий человека ради собственной прихоти на унижение, лицемерие и злодейство, ибо «все средства хороши, невинны» для эгоиста.

Знаменательно, что поэт, видимо, под впечатлением жизни света в Петербурге и Москве, дает очень радикальную характеристику всему светскому обществу, не считая, очевидно, поступок своего героя чем-то необычным. Такая экстраполяция негативного факта на нравственное состояние всего элитарного общественного слоя, а также использованные при обличении резкие эпитеты и метафоры («почетная чернь», «яд льстивых слов», «гнусные дела») позволяют считать, что добродушный гораццианец И. М. Долгоруков не чуждался и «ювеналова бича».

«Приказ швейцару», как это обычно бывает у Долгорукова, имеет автобиографическую основу: например, прототипом лицемерного эгоиста был пензенский помещик кн. А. Б. Куракин, который, видимо, узнал себя в сатире и впоследствии отомстил поэту, создав о нем невыгодное мнение у императора Павла [2, с. 254–256].

Другое произведение, выполненное в традиции ювеналовского обличения, – стихотворная сатира «Торжество совести» (1813–1814), в которой Долгоруков обличает богача-эгоиста. Резкость и беспощадность критики в немалой мере обусловило то, что образ богача был создан на автобиографической основе. Дело в том, что кн. И. М. Долгоруков был внуком казненного Бироном И. А. Долгорукова, фаворита Петра II, и Н. Б. Шереметевой, перенесшей все тя-

готы жены государственного преступника. Когда семейство Долгоруковых оказалось в опале, гр. П. Б. Шереметев лишил свою сестру «...в имени отца ей следующей части» [3, с. 450] и обрек тем самым несчастную вдову и ее детей на бедность. Вследствие этого граф Шереметев и послужил одним из прототипов бездушного и сребролюбивого себялюбца. Используя свой излюбленный прием – показ несоответствия существующего должному, – Долгоруков раскрывает изнанку жизни богачей, ставит вопрос о средствах, при помощи которых нажиты некоторые огромные состояния. Так, изобразив абстрактного богача, который приобрел достойную репутацию бесконечными праздниками, сатирик стремится разглядеть за кажущимся действительное и гневно восклицает: «Где бог твой, укажи? – Алмазная гора!» [3, с. 448].

Иллюстрацией долгоруковскому тезису о том, что многие крупные состояния куплены ценой совести их владельцев, служат портреты троих богачей, имевших, по-видимому, реальных прототипов, из которых нам известен лишь П. Б. Шереметев.

Первый богач – «кичливый сын великого героя» [3, с. 450] (фельдмаршала гр. Б. П. Шереметева. – *Д. Ч.*), обретший состояние, «на ближнего бедах свое блаженство строя» [3, с. 450]. Второй – «Махиабель» [3, с. 450], «по моде человек», озолотившийся всевозможными нечестными путями: «мздоимной службой» [3, с. 410], скупкой чужого имущества за бесценок, недобросовестным опекуном и, наконец, тем, что «нагло торговал прекрасною женой» [3, с. 451]. Третий – «враг юношества скрытный» [3, с. 451], «безжалостный игрок» [3, с. 451], сорок лет лишавший «детей отцовского наследства» [3, с. 451]. Создав эту небольшую портретную галерею, Долгоруков самой логикой изображенных характеров снова доказывает тесную связь эгоизма с родственными ему пороками, на этот раз с алчностью и не знающим предела сребролюбием. Подобно сатире «Приказ швейцару», в этом произведении пафос ювеналовского обличения достигается за счет обилия резких эпитетов и метафор: «великий грех» [3, с. 446], «обманщик, езуит» [3, с. 447], «безбожник, изувер» [3, с. 447], «служба мздоимно» [3, с. 447], «неправеднейшая мзда» [3, с. 447], «нагло торговал» [3, с. 447], «чужих фортуна насос и зев их ненасытный» [3, с. 447] и т.д.

Надо сказать, что предложенный в сатире «Торжество совести» идеал жизненного пути, противопоставленный образу жизни себялюбивых стяжателей, иной, чем в ранее рассмотренных произведениях. Не горацианскую умеренность, а бескорыстное служение совести проповедует автор, основывая свое убеждение на идеях христианства, которые к 1814 г. – времени создания сатиры – прочно овладели Долгоруковым и заставили его отказаться от прежнего воспевания эпикурейства [5]. Поэтому не случайны в стихотворении атрибуты христианского учения, органично вошедшие в структуру текста и заменившие гимны умеренности и скромным удовольствиям у семейного очага:

О совесть, верный страж и ангел наш хранитель,
Ума чистейший свет, души путеводитель,
Незлобливых венец, а злых сердец беда,
Предтеча страшного великого суда!
С тобою Бог привел доньше жить бесспорно:
Блюди, да дней конец свершу я незазорно,
Чтоб телу смерть дала забвенья тихий сон,
А дух, умучен здесь, – нашел бы рай в день он!.. [З, с. 453]

Традиции незлобивой и насмешливой горацианской сатиры нашли отражение в произведениях «Исповедь греховодника» и «Камин в Москве».

«Исповедь греховодника» построена как монолог своеобразного антигероя-эгоиста, который с циничной откровенностью открывает перед читателем тайники своей черной души. Долгоруковский персонаж начинает исповедь со следующего заявления:

Охота вам любить,
Забыв себя другова?
Что пользы все тужить
О бедствиях чужова?
По мне – пусть ближний мой
Живет как Бог поможет,
Что рвет его покой,
Меня то не тревожит [З, т. 1, с. 477].

Далее «греховодник» приводит примеры своего равнодушия к несчастьям. Так, когда горел соседский дом, эгоист с наслаждением беседовал с возлюбленной, а когда мимо его окна проходила похоронная процессия, он даже не оторвался от карт. Антигероя не трогает «в лохмотьях нищеврод» [З, т. 1, с. 478], не вызывают его чувства люди больные или печальные. Однако Долгоруков не заканчивает стихотворение, создав колоритный образ нравственного уроды. По словам «греховодника», в обществе его не любят, но лишь стоит ему дать веселый праздник, как «все в объятья ловят» [З, т. 1, с. 479]. Гости охотно съезжаются к нему, едят и пьют за его счет, «с приятною руку жмут, // А после крепко жалят» [З, т. 1, с. 479]. Эгоист-«греховодник» показывает, таким образом, что его ношение к обществу вполне оправданно, так как, по-видимому, весь светский круг сплошь состоит из себялюбцев, ищущих во всем лишь собственного удовольствия.

Несмотря на серьезность поднятой в «Исповеди...» проблемы нравственного релятивизма, сатира лишена элементов инвективы, так как автор, настроенный вполне добродушно, скрывает иронию за саморазоблачающей «откровенностью» эгоиста. Эффект легкости и шутливости, кроме того, создает и стихотворный размер – трехстопный ямб, придающий сатире черты куплетного жанра.

Одним из знаменитых горацанских произведений И. М. Долгорукова была сатира «Камин в Москве» (1802), где в пессимистическом ключе решалась проблема земного счастья. В частности, пессимизм автора был вызван распространением эгоизма в обществе, результате чего «два слова “я” и “он” вовеки // В одно не свяжут человеки, // И вряд найдешь ли где кого, // Кто бы соседа повстречавши, // Не мыслил руку ему жавши: // Мне все, а другу ничего!» [3, с. 425].

Однако в сатире, лишенной резких выражений, свойственных инвективе, ювеналовская непримиримость уступает место горацанской незлобивой иронии. Критика общественных нравов сводится здесь к анализу самых обыкновенных отношений между людьми, которые разрушает порок себялюбия. Например, Долгоруков сетует по поводу того, что «исполнилася в наши, дни людского равнодушья мера» [3, с. 425], что «искать друзей есть обольщенье» [3, с. 425], что женщины предпочитают кокетство подлинной любви и т.д.

Автор прекрасно понимает невозможность исправления общественных нравов и, вместо того чтобы негодовать, прославляет семейные радости и уединение от «соблазнов света» [3, с. 426] у домашнего очага.

Интересной представляется идейная и текстуальная перекличка «Камин в Москве» и сатиры кн. Д. П. Горчакова «Беспристрастный зритель нынешнего века» (1794–1805). Дело в том, что Долгоруков, оценивая степень падения общественных нравов в его время, цитирует реплику главного героя комической оперы Я. Б. Княжнина «Сбитенщик» (1783): «Таков сей свет, такие люди, // И сбитенщик не лжет Степан, // Конечно – что плывет, все уди, // Что ни дадут, клади в карман» [3, с. 424]. Д. П. Горчаков, обличая в своей сатире в ряду других пороков эгоизм, обратился к тому же источнику: «...всякий для себя на свете сем живет, // Княжнин давно сказал: «Все уди, что плывет» [3, с. 137].

Оставляя без внимания вопрос о том, кому из сатириков принадлежал приоритет в использовании цитаты из Княжнина (Горчаков окончательно завершил свое произведение только в 1805 г., то есть через три года после выхода в свет «Камин в Москве»), мы хотели бы подчеркнуть важность совместных усилий русских писателей на рубеже XVIII и XIX веков в борьбе с серьезной социальной болезнью, какой являлся эгоизм.

Очевидно, что И. М. Долгоруков не был оригинален в постановке этой проблемы, но нельзя не отдать должное настойчивости, с которой поэт средствами «важной» и «веселой» сатиры предупреждает общество об опасности эгоизма, пронизательно угадав в этом пороке корень многих моральных зол: лицемерия, алчности, сребролюбия, нравственного релятивизма и т.д.

Литература

1. Долгоруков И. М. Запрещенной товар, или потаенное собрание тех моих сочинений, коих я не хотел, или не мог выпустить в свет. Москва 1822 года ноября 1 дня. ОРК и Р научной библиотеки им. А. М. Горького МГУ. 1 РК 175². Л. 71 об.–73.

2. Долгоруков И.М. Капище моего сердца. М.: Наука, 1997 («Литературные памятники»).
3. Поэты-сатирики конца XVIII – начала XIX в. Л., 1959 («Библиотека поэта. Большая серия»).
4. Сочинения Долгорукого (кн. Ив. Мих.): в 2 т. СПб., 1849.
5. Черниговский Д.Н. К вопросу о характере религиозных и общественно-политических взглядов И.М. Долгорукова // Жанр. Стиль. Образ: Актуальные вопросы современной филологии: межвуз. сб. ст. / науч. ред. Д. Н. Черниговский, Е. И. Беглова. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2014. С. 141–152.

УДК 316.72

*Л. А. Чернышова, Е. О. Черникова, Д. Н. Прокопчук (Москва, Россия)
Российский университет транспорта (МИИТ)*

Критерии определения пассивной и активной культур

В статье анализируется влияние межкультурных различий на процесс коммуникации специалистов в той или иной области знания. Рассматриваются особенности активных и пассивных культур. Описываются характеристики различных государств с высококонтекстуальной и низкоконтекстуальными культурами. На примере США и Японии предлагается сравнительный анализ специфики активной и пассивной культуры. Сопоставив специфику проявления активных и пассивных культур, мы пришли к следующему выводу: пассивная культура является одновременно и полихронной, в то время как активная культура – это монохронная культура с «низким контекстом».

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, монохронная культура, полихронная культура

В основе межкультурной коммуникации лежит взаимодействие различных культур. Согласно нормативному подходу, культура – это совокупность норм, определяющих человеческое поведение и усваиваемых в процессе социализации. С точки зрения антропологического подхода культура представляет собой синтез ценностей, норм и систем символов какого-либо общества, которые отражаются в мышлении, представлениях и особенностях поведения ее носителей [1, с. 17].

Выделяется несколько критериев классификации культур. По типу деятельности выделяют пассивные и активные культуры. Активные культуры – культуры, которые фокусируются на эффективности, продуктивности, категоризации и пунктуальности. Пассивные культуры характеризуются спонтанностью действий. Представители такого рода культур, как правило, откладывают выполнение задач на последний момент и не предпринимают больше, чем от них требуется.